

18+

Алекс Филин

БУНТ ОБЕЗЬЯНОК

Алекс Филин

Бунт обезьянок

«Издательские решения»

Филин А.

Бунт обезьянок / А. Филин — «Издательские решения»,

Очевидно, эта мысль ему понравилась и он еще долго рассуждал на тему того, что все люди на самом деле — обезьяны. Обычные люди, конечно же, но вовсе не сам Антуан и его коллеги по цеху. Только им, светносным, доводится нести просвещение в массы. А потом он все же ушел. На полу остались разводы пепла и грязные следы от ботинок. Гений бахил не признавал.

© Филин А.

© Издательские решения

Бунт обезьянок

Алекс Филин

© Алекс Филин, 2026

ISBN 978-5-0070-5429-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На самом деле Антуан Нехайло был Антоном, но по неписанным правилам богемной жизни звался на французский манер. Он носил тонкие усы, которые совершенно не шли к простоватой физиономии, и длинные шарфы. В данный момент Антуан вальяжно развалился на стуле в ее кабинете и вот уже добрых полчаса вел интеллектуальный монолог.

— Пойми, Маринка, — говорил он, помахивая тонкой сигареткой. — Это такой труд, такой тяжкий труд! Вам, простым людям, и не понять великого груза ответственности. Я — гений, а это, черт возьми, непросто. На меня надеются люди, да что там — вечность надеется! Впрочем, что вам понять? Инфузории, серость. Ты, Маринка, не смеешь обижаться, потому что знаешь, что я прав.

«Я не Маринка, — хотелось сказать ей. — Я, в конце концов, директор этого музея, так имей же уважение и помни, что мы не пили на брудершафт». В душе поднялась серая муть раздражения, такая же серая как пепел от сигареты Антуана, который летел на свежевывмытый светлый пол. Но она промолчала, только улыбнулась отработанной годами безупречно-душевной улыбкой.

— Ну конечно, мы все понимаем, не волнуйтесь. Выставка будет замечательной, вы же знаете нашу репутацию.

— Смотри-и-и, — протянул недоверчиво гений. — Как там твои девицы, не подведут? Рожи у них унылые, конечно, ну да ладно. Главное, чтобы развесили все как надо. Ну и фуршет не забудь. Шампанское я сам выберу, вы-то купите дрянь какую-нибудь. Так и быть, помогу. И бутербродов накрошите что ли каких. Поклонников туча будет. Халявщики, так и норовят кусок славы утащить.

«Уходи уже, — мысленно ответила Марина. — Мы все сделаем, мы уже двадцать лет организуем выставки. Мы профессионалы, пусть и с унылыми рожами. Только не мешай».

Она снова ослепительно улыбнулась.

— Разумеется, Антуан. Уверена, что на выставке будет аншлаг. Картины замечательные.

— За-ме-ча-тель-ны-е? Ну что ты, они гениальны! Впрочем, вы в вашей богадельне вряд ли разбираетесь... Это вам не рассвет с березками, это — искусство, правда жизни, мать его. Учитесь, пока есть возможность. А то живете как приматы — поспать, пожрать, размножиться.

Очевидно, эта мысль ему понравилась и он еще долго рассуждал на тему того, что все люди на самом деле — обезьяны. Обычные люди, конечно же, но вовсе не сам Антуан и его коллеги по цеху. Только им, светоносным, доводится нести просвещение в массы.

А потом он все же ушел. На полу остались разводы пепла и грязные следы от ботинок. Гений бахил не признавал.

Марина помассировала виски. Разболелась голова, от запаха сигарет слегка тошнило. Она рывком распахнула окно и вдохнула морозный воздух.

Снаружи было прекрасно — заснеженные елочки, блеск солнца и ярко-синее небо. Изумительный пейзаж, созданный самой природой. Тот самый, что так презирает художник Нехайло.

Раздражение постепенно отступало. Что, в сущности, такого плохого в этом Антуане? Груб, хамовит, самовлюблен — такие уж они все, творцы и гении. За последние несколько лет сотрудники музея повидали их немало и каждый считал, что именно он и есть самый талантливый из всех существующих на земле. Нехайло даже можно сказать спасибо. Он, упорный ретроград, по-прежнему признавал краски и холсты, а также этикетки, газетные вырезки и старые фотографии. Таких осталось мало, прогресс шагал семимильными шагами и искусство приобретало новые формы. Иногда чрезвычайно уродливые. Чего только не видала эта галерея! Модный футурист Андриан Жени посадил в центре зала бродячую собаку. Нечесанный, блохастый бобик призван был символизировать безысходность российской действительности. Он с наслаждением чесался, обтирал бока о вечерние платья и лаковые штиблеты и распространял удушливый запах псины. Рядом на белоснежных листах бумаги были разложены продукты собачьей жизнедеятельности. Они символизировали бранные надежды.

Супружеская пара Ле Габриэль-Онучкины сделали экспонатом собственного малолетнего сына. Голый двухлетний карапуз изображал счастливое детство. Родители расписали его каббалистическими символами и запустили в толпу гостей. На открытии выставки он потерянно бродил среди незнакомых людей, поджимая босые ноги, а потом разревелся. Родители давали интервью и с раздражением косились на отпрыска, гости старались не замечать конфуза, а Марине было очень жалко этого несчастного ребенка. Она хотела увести его в подсобку, согреть и напоить горячим чаем, но нельзя — это означало бы разрушение тщательно выстроенного художественного замысла, вандализм.

Все смешалось в этом мире искусства. словно за последний оплот, Марина держалась за свой профессионализм и так же муштровала персонал, тех самых «девочек с унылыми рожами». Они были лучшей галереей в города и останутся такими же.

Она открыла рабочую почту, и новое письмо выстрелило нелепым, непонятным заголовком. «Если жить не надоело, закрой выставку».

Внутри было фото. Что это? очередной странный экспонат? Причуды очередного гения? Зачем в электронный век вырезать слова из газет, наклеивать на бумагу, а потом фотографировать это и отправлять по почте? Электронная переписка и так обезличена. Слова с фото дышали холодной ненавистью. «Или этой выставки не будет, или тебе и остальным придется плохо. Я найду твою семью, и тогда посмотришь. Решай, стерва»

Последнее слово заставило ее вздрогнуть. словно кобра укусила. А потом из груди вырвался нервный смешок. Не проймешь. И не такие пугали. Обратный адрес был незнаком, как и ожидалось. Еще одна черед интриг и козней, которым со страстью и упоением предавалась художественная элита. Они всегда дружили «против кого то», вели священные войны, которые со стороны больше напоминали мышиную возню. Или пауков в банке. Галерея тоже бывала втянута в очередную сеть интриг. То журналист Плюшкин скандалил у входа с видеокамерой и тремя диктофонами, то правозащитник Коклюшкин тянул на буксире вялого адвоката и потрясал заявлением в прокуратуру. В прошлом месяце группа православных активистов собралась на пятачке перед входом и требовала закрыть выставку «Религия в разрезе анатомии». Автор выставки, профессор никому неизвестного института, наблюдал за народным бунтом из высокого окна галереи и довольно потирал руки. Скандал удался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.